

УДК 340.1

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-22

Иванов Георгий Романович,
аспирант, Юридический институт,
Российский новый университет,
105005, г. Москва,
ул. Радио, д. 22,
email: mr.georgiyivanov@mail.ru

Ivanov, Georgiy R.,
Postgraduate Student,
Law Institute, Russian New University,
22 Radio Str., Moscow,
105005, Russian Federation
email: mr.georgiyivanov@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНОЙ ПРИРОДЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

TO THE QUESTION OF THE ESSENTIAL NATURE AND TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONAL PURPOSE OF THE MODERN STATE

АННОТАЦИЯ. Целью данной статьи является теоретическое осмысление сущностной природы функций современного государства с учетом объективного характера их трансформации. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем инструменты теории государства и права, институционального анализа, а также элементов коммуникативной теории. Результаты исследования направлены на формирование концептуального понимания функций современного государства как динамического механизма интеграции общественных интересов и обеспечения нормативной согласованности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, функции, коммуникация, легитимность, институционализация, механизмы

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иванов, Г. Р. К вопросу о сущностной природе и трансформации функционального назначения современного государства / Г. Р. Иванов. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 172–178. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-22

ABSTRACT. The purpose of this article is a theoretical understanding of the essential nature of the functions of the modern state, taking into account the objective nature of their transformation. The research methodology is based on an interdisciplinary approach that combines tools of the theory of state and law, institutional analysis, and elements of communication theory. The results are aimed at forming a conceptual understanding of the functions of the modern state as a dynamic mechanism for integrating public interests and ensuring normative consistency.

KEYWORDS: state, functions, communication, legitimacy, institutionalization, mechanisms

FOR CITATION:

Ivanov, G. R. (2025) To the Question of the Essential Nature and Transformation of the Functional Purpose of the Modern State. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(4): 172–178 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-22

Введение. В условиях стремительных трансформаций политико-правовых систем, вызванных глобализацией, цифровизацией, ростом сетевых форм взаимодействия и усложнением общественных структур, вопрос о сущностной природе и функциональном назначении современного государства приобретает особую научную значимость. Государство как институциональный феномен не только сохраняет свою роль в обеспечении правопорядка, суверенитета и территориальной целостности, но и все более выступает как сложный коммуникативный, нормативный и символический механизм, интегрирующий разнообразные интересы общества в единую управленческую и правовую систему.

Современные подходы к исследованию функций государства выходят за рамки традиционного нормативного и административного анализа, акцентируя внимание на его способности к дискурсивному взаимодействию, институциональной адаптации и воспроизводству легитимности в условиях социокультурной сложности. В этом контексте функции государства рассматриваются не как фиксированный набор управленческих полномочий, а как динамическая система, отражающая характер его отношений с обществом, степень открытости политических институтов и уровень нормативной согласованности.

К вопросам, касающимся функций государства, в последние годы обращались такие исследователи, как А. Л. Бредихин [1], Н. И. Грачев [2], И. А. Иванников [4], В. Н. Корнев [5], В. В. Кочетков [6], Л. А. Стешенко [9], А. Ю. Филин [12] и др. Их работы представляют собой значимый вклад в современную государственведческую мысль, что особенно важно в контексте переосмысления роли государства в условиях институциональных, нормативных и социокультурных трансформаций.

В работах ученых функции государства исследуются как динамическая категория, отражающая эволюцию политико-правовых институтов, их способность к адаптации, интеграции общественных интересов и обеспечению нормативной целостности и суверенных прав государственной власти. Особое внимание уделяется взаимосвязи функций с идеей государственного суверенитета, правопорядка, социальной справедливости и идентичности. Исследователи

подчеркивают необходимость переосмысления традиционных классификаций функций в свете новых вызовов, среди которых выделяются военно-политические реалии, цифровизация, регионализация, фрагментация социально-экономического пространства и изменения политических приоритетов.

Несмотря на значительный объем теоретических разработок, исследования вопросов, связанных с сущностной природой и трансформацией функционального назначения современного государства, требуют дальнейшего развития в связи с тем, что существующие подходы не учитывают коммуникативную, символическую и интегративную природу государства как института, формирующего нормативную базу общественного взаимодействия и обеспечивающего устойчивость политического режима.

Таким образом, целью данной статьи является теоретическое осмысление сущностной природы функций современного государства с учетом объективного характера их трансформации.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем осуществляется комплексное теоретико-методологическое осмысление функций современного государства с позиций его коммуникативной природы, обеспечивающей функционирование механизмов согласования, интеграции и воспроизводства политико-правовой целостности и нормативной легитимации власти, что позволяет выйти за рамки традиционного представления о функциях государства, сложившегося в научной литературе.

Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности их применения в процессе разработки концептуальных основ государственной политики, совершенствования механизмов публичного управления, формирования моделей институционального взаимодействия государства и общества, а также дальнейшего научного осмысления проблем, связанных с уточнением функций современного государства.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем инструменты теории государства и права, институционального анализа, а также элементов коммуникативной теории. В качестве методо-

логического основания используется системный подход, который позволяет рассматривать функции государства как взаимосвязанные элементы целостной структуры, обеспечивающей устойчивость политико-правового порядка и воспроизводство нормативной легитимности государственной власти. В данной статье ключевым методологическим основанием является коммуникативный подход, опирающийся на идеи Ю. Хабермаса о дискурсивной природе власти и ее легитимации через рациональное согласование общественных и государственных интересов, что позволяет интерпретировать функции государства не как статичные управленческие категории, а как динамические механизмы институционального взаимодействия, направленные на интеграцию общественных интересов и обеспечение нормативной согласованности.

Осмысление функциональных особенностей современного государства является, безусловно, одной из важнейших задач государственоведения. В конечном счете именно функции выражают динамическую сторону государственности. В связи с этим в течение нескольких последних десятилетий именно функции государства становятся объектом повышенного внимания: их трансформация и перестройка, переосмысление того, что государство должно делать и от чего ему следует отказаться, – это, пожалуй, самый существенный вопрос теории государства и права.

Вопрос, касающийся проблем функционирования государства, охватывает достаточно широкий спектр феноменов и проявлений государственной активности, хотя, несомненно, центральным звеном в этой сложной структуре выступают функции государства.

К наиболее распространенным в юридической науке относится деление функций государства в зависимости от направленности государственной деятельности: на внутренние, т. е. такие, которые выражают деятельность государства внутри общества, и внешние – те, что выражают его деятельность за пределами этого общества. Такая типологизация очевидна, ведь функции государства могут реализовываться либо внутри страны, либо вне ее границ, что соответствует концепции государственного суверенитета, которая также оперирует понятием «внутренний и внешний суверенитет» [7].

В то же время современные исследователи, такие как, например, О. В. Домнина [3], А. П. Платонов [8], исходят из того, что рассмотрение функций государства должно осуществляться в контексте функциональной характеристики социальных систем как таковых.

В связи с этим заслуживает внимания мнение А. Л. Бредихина, который, исследуя различные политические системы с помощью функционального анализа, выделил ряд общих функций, присущих им, а именно: функция адаптации, которая заключается в способности системы реагировать на внешние и внутренние изменения и приспособливаться к ним, т. е. обретать государственную устойчивость; функция реагирования; экстракционная (ресурсная) функция, суть которой заключается в осуществлении необходимого ресурсного обеспечения; распределительная функция, суть которой заключается в выполнении задачи по рациональному распределению материальных и духовных ценностей [1].

Продолжая эту мысль, Е. С. Фадеева отмечает, что в определении функций социальных систем сегодня доминируют в основном две полярные позиции. Согласно первой, понятие функции государства в той или иной степени связывается с понятием его деятельности. Причем в большинстве случаев существенным признаком функции считается то, что это определенная часть (вид) деятельности [11].

Однако существует иная точка зрения: функция по своей сути является лишь потенциальной возможностью или необходимостью действовать определенным образом в определенных условиях, а потому в реальности сама по себе функция не существует, она наблюдается в процессе конкретной целенаправленной деятельности, является не частью деятельности, т. е. материальным процессом, а лишь направлениями этой деятельности. Долгое время в отечественной науке доминировал классовый подход, согласно которому функции государства определялись исключительно как направления его деятельности, в которых отражается классовая сущность государства, его задачи, цели и закономерности развития [12].

Современные исследователи, переосмысливая советскую и постсоветскую традицию интерпретации функций государства, предлагают концептуализировать его функциональное на-

значение через призму двух взаимосвязанных структурных компонентов – классового и общесоциального. Такой подход позволяет сместить акцент с идеологически обусловленного представления о государстве как инструменте классового господства на более универсальное понимание его роли в обеспечении устойчивости и согласованности общественных процессов. В рамках данной модели государство рассматривается не только как механизм политической власти, но и как институт, обеспечивающий реализацию общесоциальных интересов, интеграцию различных групп и поддержание общественного баланса.

При этом в условиях развития правового и социального государства приоритетными становятся именно общесоциальные функции, когда деятельность государства ориентируется на обеспечение целостности и единства общества, опираясь на принципы демократического правопорядка, верховенства права, соблюдения прав и свобод человека, а также на признание ценности гражданского участия и институционального диалога. Таким образом, государство выступает не как репрессивный аппарат, а как гарант общественного согласия, правовой защищенности и равного доступа к социальным ресурсам.

Следует отметить, что в процессе реализации принципов правового, социального государства на первый план выходят не классовые функции, а общесоциальные: деятельность государства направлена на обеспечение целостности и единства общества на основе общесоциальных интересов и демократических ценностей – идей господства права в общественной и политической жизни, соблюдения прав человека и др.

В связи с этим Э. В. Краснов подчеркивает, что следует различать государства, в которых преобладают классовые функции, и государства, в которых преобладают общесоциальные (демократические) функции, что требует анализа не только направлений деятельности, но и социального назначения государства [7].

При этом следует признать, что в современном государствоведении классовый характер функций государства если и упоминается, то преимущественно вскользь и скорее как дань марксистской методологической традиции, чем как действенная и эвристически продуктивная

идея. Хотя ученые, придерживающиеся «левых» политических убеждений, исповедующие «классовую доктрину» государствоведения, по-прежнему высказывают мнение о том, что государство является всего лишь «ширмой для обеспечения финансовых интересов эстеблишмента». Представители данного направления – Ральф Милибанд, Никос Пуланцас и Дэвид Харви – в своих работах последовательно отстаивают идеи о решающей зависимости государства от капиталистических отношений и элитных групп.

Так, Р. Милибанд в монографии «Государство в капиталистическом обществе» высказывал позицию, в соответствии с которой государственные институты в капиталистических странах функционируют в интересах правящего класса, несмотря на формальную демократическую оболочку [15].

В свою очередь, Н. Пуланцас, опираясь на идеи структуралистского марксизма, в работе «Политическая власть и социальные классы» формулирует понятие относительной автономии государства, подчеркивая, что его действия в конечном счете направлены на воспроизводство классовых структур [16]. При этом Д. Харви, анализируя неолиберальную трансформацию, в книге «Краткая история неолиберализма» демонстрирует, как государственные механизмы перераспределения ресурсов служат укреплению власти корпоративного капитала и финансовых элит [14].

Несмотря на общетеоретическую ценность этих работ, возможность их использования для осмысления природы современного государства вызывает сомнения, во-первых, в связи с редукцией многофункционального института государства к исключительно классовому инструменту общественной дифференциации, без учета его роли в обеспечении правовой стабильности, социальной интеграции и реализации универсальных прав человека. Во-вторых, в условиях регионализации, цифровизации и роста гражданской активности государство все чаще выступает как арена конкуренции интересов, а не как монолитный механизм, обеспечивающий классовое господство. Кроме того, классовая доктрина недостаточно учитывает институциональную сложность современных политических режимов, в которых действуют механизмы сдержек и противовесов, пу-

бличной подотчетности и правовой автономии. Таким образом, трактовка государства исключительно как «ширмы для обеспечения финансовых интересов эстеблишмента» представляет собой скорее политическую формулу, пригодную для критики, чем полноценный инструмент научного анализа.

В то же время, говоря о природе функций государства, следует обратить внимание на методологическую проблему, связанную с пониманием функций государства как результатов его антропоморфизации. Как отмечает Ю. А. Тихомиров, в наши дни антропологический подход к выработке онтологии государственной власти проявляется в том, что в общественном сознании ей приписываются свойства сугубо антропного характера: наличие у государства собственных интересов (хотя в реальности у современного демократического правового государства в принципе не может быть интересов, отличных от интересов гражданского общества), способность вызывать чувства и эмоции (уважение, зависть, любовь, пренебрежение, ненависть, надежды и т. п.), способность поддерживать дружбу с другими государствами или враждовать с ними и т. д. [10].

Однако подобная интерпретация вступает в противоречие с сущностной природой современного государства, которое по определению не может обладать всей совокупностью антропоморфных признаков, таких как наличие автономной воли, отличной от институционально выраженной воли общества, стремление к самосохранению как биологической сущности, а также способность к переживанию, интуиции и моральному самоопределению.

Следует признать, что антропоморфная сущность современного государства выражается в его коммуникативной природе, без наличия которой невозможно обеспечивать устойчивость легитимной власти, формировать институциональное доверие и согласовывать повестки общественного развития. Именно способность государства вступать в диалог с обществом, реагируя на его запросы, транслируя нормативные смыслы и обеспечивая обратную связь, делает его не просто административной конструкцией, а полноценным участником социального взаимодействия. В этом смысле государство обретает черты «говорящего субъекта», способного интерпретировать и арти-

кулировать смыслы, координировать коллективные интересы, что и является основой его функциональной роли в общественно-политическом развитии.

В этом контексте важно следующее: современное понимание функций государства должно исходить из тезиса, что функции являются прежде всего каналами коммуникации внутри общества относительно повестки дня его развития и институционализации. Государство, будучи отделенным от общества в нормативном и институциональном плане (в первую очередь посредством конституции), не является отделенным от него с точки зрения субстрата, поскольку оно управляется членами того же общества.

С этой точки зрения функции государства возникают там, где коммуникация по вопросам общественной значимости наиболее интенсивна и поэтому требует создания определенной нормативной и институциональной базы.

Коммуникативное толкование функций государства является довольно нетипичным, поскольку само государство в отечественной общетеоретической юриспруденции крайне редко рассматривается с коммуникативных позиций. Однако этот подход обладает значительным исследовательским потенциалом. Так, классик коммуникативной теории Ю. Хабермас уделяет большое внимание проблемам формирования дискурса власти, который составляет ядро дискурса о государстве как таковом, поскольку оно является институциональным проявлением власти. По мнению исследователя, большинство проблем, выводимых на уровень дискурса, т. е. претендующих на совместное решение в процессе поиска «лучшего аргумента», не могут быть легитимированы лишь посредством процедуры, как, например, основные положения конституционного или административного права – т. е. тех отраслей, которые чаще всего рассматриваются в контексте функционирования государства. Однако их решение вполне обеспечивается возможностями государства коммуницировать с обществом, функционально обеспечивая условия для реального согласования общественных интересов, выработки условий общественного договора и институционального воспроизводства легитимности власти. Такое коммуникативное взаимодействие, по мнению Ю. Хабермаса, дает государству возможность не просто транс-

ливать нормативные предписания и добиваться их выполнения, но и вовлекать граждан в процесс аргументированного обсуждения, когда легитимность государственных решений основывается не на формальной процедуре, а на силе логического убеждения. Именно через дискурсивные механизмы – публичные дебаты, экспертные оценки, гражданские инициативы – государство обретает способность быть не только руководителем, но и слушателем, не только нормативным, но и диалогичным субъектом общественного взаимодействия [13].

Таким образом, коммуникативные функции современного государства являются рациональным основанием и необходимым условием его институциональной легитимности, нормативной воспроизводимости и способности к объединению многообразных социальных интересов в единую политико-правовую доктрину. Данные функции представляют собой сложную совокупность механизмов, обеспечивающих взаимосвязь между государственными институтами и обществом, в рамках которой происходит артикуляция, трансляция и согласование общественно значимых смыслов, идеологических концепций, правовых норм и стратегий государственного строительства.

Безусловно, коммуникативные функции государства не сводятся лишь к информационному обмену или пропагандистской деятельности – они включают в себя широкий спектр дискурсивных взаимодействий, а также обеспечение институционализированного участия общества в государственном управлении, нормативно охраняемую процедурную прозрачность государственных решений, формирование устойчивых образов государства как легитимного и общепризнанного института, способного выражать коллективную волю и обеспечивать нормативную целостность политического пространства, гарантируя важнейшие параметры государственной стабильности, среди которых наиболее значимыми являются государственный суверенитет и территориальная целостность.

В рамках современной модели государственности коммуникативные функции государства становятся не просто техническим инструментом управления, а онтологическим условием его существования как публичного института, ориентированного на признание в качестве ведущего политического актора. Че-

рез механизмы публичной политики, общественного диалога, экспертного обсуждения, гражданских инициатив и создания открытых цифровых платформ государство формирует пространство рационального политического дискурса. В настоящее время именно через коммуникативные механизмы – публичные консультации, правовой диалог, цифровые платформы участия, экспертные обсуждения и институциональные каналы обратной связи – государство формирует не только институциональную структуру власти, но и символическое признание, обеспечивая согласование интересов, легитимацию решений и воспроизводство политического единства нации.

Выводы. Таким образом, современное понимание функций государства должно исходить из тезиса, что функции – это прежде всего каналы коммуникации внутри общества относительно повестки его развития и перспектив институционализации.

Государство, будучи выделенным в отдельный элемент управления обществом, иерархически отделено от общества в нормативном и институциональном плане (прежде всего, посредством его руководящей роли), однако при этом не отделено от общества с точки зрения необходимости обеспечения государственного суверенитета, поскольку государством управляют члены того же общества, которые являются носителями социальных ценностей, идей и установок, формирующих содержание и направление реализации функции защиты государственного суверенитета как наивысшей ценности, являющейся универсальной для всех членов общества (граждан страны).

С этой точки зрения функции государства возникают там, где идея государственного суверенитета становится реальной основой организации общественной жизни, превращаясь из абстрактного принципа в конкретные механизмы власти, управления и обеспечения правопорядка.

Таким образом, дальнейшее направление исследований в области функций государства лежит в плоскости выявления, анализа и теоретического обоснования обеспечения государственного суверенитета и территориальной целостности страны в связи с трансформацией функциональной архитектуры современного государства.

Список использованных источников

1. Бредихин А. Л. Функции государства как часть учения о государстве: проблемы определения // *Философия права*. 2024. № 1. С. 45–52.
2. Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики. М.: Наука, 2009. 312 с.
3. Домнина О. В. Формы реализации функции охраны правопорядка современного Российского государства (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 219 с.
4. Иванников И. А. Трактовки государства в современной теории и практике // *Политическая концептология*. 2025. № 1. С. 33–41.
5. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века. СПб.: Юридический институт, 2006. 198 с.
6. Кочетков В. В. Идеи конституционализма в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века // *Вестник юридических исследований*. 2017. № 4. С. 58–65.
7. Краснов Э. В. Становление и развитие принципов правового государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 210 с.
8. Платонов А. П. Правовой механизм реализации внешних функций государства (сравнительное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 251 с.
9. Стешенко Л. А. Правовая политика России в сфере национальных отношений: теоретическое и историко-правовое исследование. М.: Юридический центр, 2003. 284 с.
10. Тихомиров Ю. А. Государство. М.: Норма, 2013. 320 с.
11. Фадеева Е. С. Правовой мониторинг институтов государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 210 с.
12. Филин А. Ю. Государство в современных политико-правовых учениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 175 с.
13. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: в 2 т. М.: Академический проект, 2000. Т. 1. 464 с.
14. Harvey D. A brief history of neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. 247 p.
15. Miliband R. The state in capitalist society. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 340 p.
16. Poulantzas N. Political power and social classes. London: Verso, 1973. 431 p.

References

1. Bredikhin A. L. Functions of the state as part of the doctrine of the state: Definitional issues. *Philosophy of Law*. 2024. No. 1. P. 45–52 [in Russ.].
2. Grachev N. I. State structure and sovereignty in the modern world: Theoretical and practical issues. Moscow: Nauka, 2009. 312 p. [in Russ.].
3. Domnina O. V. Forms of implementation of the law enforcement function of the modern Russian state (general theoretical aspect): a thesis for the degree of PhD in Law. Saratov, 2022. 219 p. [in Russ.].
4. Ivannikov I. A. Interpretations of the state in modern theory and practice. *Political Conceptology*. 2025. No. 1. P. 33–41 [in Russ.].
5. Kornev V. N. Problems of the theory of the state in liberal legal thought in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. St. Petersburg: Law Institute, 2006. 198 p. [in Russ.].
6. Kochetkov V. V. Ideas of constitutionalism in domestic political and legal thought of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bulletin of Legal Studies*. 2017. No. 4. P. 58–65 [in Russ.].
7. Krasnov E. V. Formation and development of the principles of the rule of law in Russia: a thesis for the degree of PhD in Law. Kazan, 2021. 210 p. [in Russ.].
8. Platonov A. P. Legal mechanism for implementing the external functions of the state (comparative study): a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2024. 251 p. [in Russ.].
9. Steshenko L. A. Legal policy of Russia in the sphere of national relations: Theoretical and historical-legal research. Moscow: Yuridichesky tsentr, 2003. 284 p. [in Russ.].
10. Tikhomirov Yu. A. State. Moscow: Norma, 2013. 320 p. [in Russ.].
11. Fadeeva E. S. Legal monitoring of state institutions: a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2021. 210 p. [in Russ.].
12. Filin A. Yu. The state in modern political and legal doctrines: a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2021. 175 p. [in Russ.].
13. Habermas J. Theory of communicative action: in 2 vols. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2000. Vol. 1. 464 p. [in Russ.].
14. Harvey D. A brief history of neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. 247 p.
15. Miliband R. The state in capitalist society. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 340 p.
16. Poulantzas N. Political power and social classes. London: Verso, 1973. 431 p.

Поступила в редакцию 09.09.2025

Received September 09, 2025